

Т. И. Краснобордько

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

(Мнимые пушкинские записи на книге
Вальтера Скотта «Айвенго»)

В 1963 г. Пушкинский Дом приобрел у московского пенсионера, в прошлом учителя, Антонина Аркадьевича Раменского томик первого русского перевода романа Вальтера Скотта «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов», на страницах которого были автографы Пушкина: начало монолога князя из первого замысла «Русалки» («Как счастлив я, когда могу покинуть...»), фрагмент одной из «декабристских» строк «Евгения Онегина» («Одну Россию в мире вида...»), несколько рисунков, владельческая надпись Пушкина и его же дарительная — Алексею Алексеевичу Раменскому. Экземпляр был в очень плохом состоянии: он представлял собою неправильно и неумело переплетенные две (из четырех) частей смирдинского издания романа 1826 г. Когда-то книга, видимо, была

залита водой, переплет ее слегка покоробился, но более всего оказались попорченными именно листы с автографами: они прорваны, покрыты грязью, и сами записи почти «угасли», они едва заметны и скорее угадываются, чем читаются. Такое состояние книги последний владелец объяснял ее необычной, сложной судьбой. По его словам, роман был подарен в 1829 г. прадеду Антонина Раменского — Алексею Алексеевичу, который учительствовал в селе Мологине Старицкого уезда Тверской губернии. Пушкинская реликвия передавалась Раменскими из поколения в поколение. В Отечественную войну село Мологино, где они жили, горело при отступлении советских войск; сгорел и учительский дом. После войны, в 1945—1947 годах, Антонин Аркадьевич предпринял розыск дедовской библиотеки и обнаружил роман Вальтера Скотта в подвале старой церковной сторожки. Как рассказывал сам Раменский, книга «растрепалась, держалась на нитках, шивавших ее. Она была в грязи, масле, листочки были склеены. В сторожке заправляли, должно быть, тракторы, а может быть, и танки во время войны»¹. Пушкинских записей на этой книге Раменский тогда не заметил, но отложил ее и, среди прочих книг, оставил у родственников в Вышнем Волочке. Через пятнадцать лет остатки дедовской библиотеки перевезли в Москву, и тут-то Антонин Аркадьевич рассмотрел записи на романе Вальтера Скотта. О находке сразу же сообщили журналисты — в «Литературной газете», «Вечернем Ленинграде», «Литературной России»². Из профессиональных пушкинистов-текстологов первой увидела автографы Т. Г. Цявловская. Со слов владельца она и записала приведенную здесь версию чудесной находки книги. С согласия Раменского в лаборатории Института марксизма-ленинизма листы с записями расчистили, отреставрировали и сфотографировали³. В прочтении и транскрипции автографов Т. Г. Цявловской помогал С. М. Бонди. Заключение московских текстологов

¹ Цит. по кн.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1963. М.; Л., 1966. С. 21.

² См.: *Дилigentская Н. А.* 1) *Находка в Мологине*//Лит. газ. 1962. № 153; 2) *Реликвии рода Раменских*//Лит. Россия. 1963. № 31; *Лазарева Т.* «Одну Россию в мире видя»: Новый автограф Пушкина//Веч. Ленинград. 1963. № 251.

³ Так как фотокопии, сделанные в Москве в 1963 г., в Пушкинский Дом не поступили, весной 1993 г. директор Лаборатории консервации и реставрации документов РАН Д. П. Эрастов произвел повторную съемку записей на книге в лучах собственной видимой люминесценции (такой способ съемки позволяет «проявить», усилить слабые чернильные тексты) и выполнил фотографии для настоящего издания. Приношу мою искреннюю благодарность Д. П. Эрастову за любезное содействие в проведении новой экспертизы.

было положительным: записи на книге, кроме плана на последней странице, сделаны рукою Пушкина. Академия наук приобрела книгу для Пушкинского Дома; рукописи присвоили архивный шифр — ф. 244 (А. С. Пушкина), оп. 1, № 1733, и она обрела свое постоянное место в Пушкинском хранилище, среди автографов поэта. А вскоре Т. Г. Цявловская опубликовала во «Временнике Пушкинской комиссии» большую статью об уникальной находке⁴.

Изучив автографы на книжке и сопутствующие им семейные воспоминания Раменских, Т. Г. Цявловская заключила, что они «обогатили пушкиниану целым рядом неизвестных доселе данных»⁵. Позволю себе напомнить основные выводы исследовательницы, так как это необходимо для дальнейшего изложения.

Во-первых, ею были установлены новые биографические факты: посещение Пушкиным весной 1829 г. имения Грузины Новоторжского уезда Тверской губернии, которое принадлежало Константину Марковичу Полторацкому (о том, что Пушкин знал его, прежде не было известно). В круг пушкинских знакомых был введен и сотрудник Н. М. Карамзина (также неизвестный ранее факт) Алексей Алексеевич Раменский — сельский учитель, которому Пушкин подарил роман Вальтера Скотта.

Во-вторых, дарительная надпись на этой книге и семейные предания Раменских, по мнению Т. Г. Цявловской, давали новый «материал для размышления над возникновением замысла „Русалки“»⁶.

В-третьих, новонайденный документ пополнял пушкинскую графику новыми рисунками: портретом неизвестного, изображением весов и виселицы с пятью повешенными. Причем последний рисунок Т. Г. Цявловская считала лучшим пушкинским изображением казни декабристов.

Наконец, последний вывод исследовательницы сводился к тому, что в книге из библиотеки Раменских обнаружались «новые данные по творческой истории „Евгения Онегина“, новый авторский текст шести стихов одной из „декабристских строф“ романа и неопровержимое свидетельство, что эти строфы <...> были написаны уже к марту 1829 года»⁷.

Все эти данные, подкрепленные авторитетом Т. Г. Цявловской, вошли в исследовательский оборот, стали широко использоваться авторами популярных краеведческих работ о пребы-

⁴ См.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта//Временник Пушкинской комиссии. 1963. С. 5—30.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 30.

вании Пушкина на Тверской земле, а имя А. А. Раменского, которое прежде ни разу не встречалось в обширной мемуарной и эпистолярной пушкиниане, попало в справочник Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», первое издание которого появилось в 1975 г. Приблизительно в это же время у Антонина Аркадьевича Раменского обнаружили новые пушкинские реликвии. Среди них — первый том романа А. П. Степанова «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (СПб., 1835) с владельческой надписью Пушкина, гусиное перо и перочистка поэта, его дорожный подсвечник, бумажник и серебряная чайная ложечка, которые Раменский преподнес в дар Московскому музею А. С. Пушкина⁸. Позднее, в 1977 г. Раменский передал Всесоюзному музею А. С. Пушкина в Ленинграде четвертый том романа «Постоялый двор» (также с владельческой надписью Пушкина) и еще несколько реликвий из своей «пушкинской коллекции». Книга А. П. Степанова осталась в фондах музея; что же касается «мемориальных предметов», то авторитетные музейные эксперты, в числе которых был крупнейший искусствовед В. М. Глинка, члены ученого совета музея, выразили серьезные сомнения в подлинности этих вещей, принадлежности их пушкинской эпохе, и в экспозицию Ленинградского пушкинского музея они не попали. Однако бесценные пушкинские реликвии учителей Раменских по-прежнему возбуждали внимание журналистов и краеведов, и время от времени статьи о них появлялись в массовых изданиях⁹. Авторы этих публикаций, как правило, были знакомы с А. А. Раменским и более или менее добросовестно излагали его рассказы. В 1984 г. в книге А. Г. Никитина «Пушкин и Урал» неожиданно появилась новая версия чудесной находки русского издания «Айвенго» с пушкинскими записями, и эта версия слабо согласовывалась с тем, что Раменский рассказывал раньше Т. Г. Цявловской: «Осенью 1941 года политрук Красной Армии Антонин Раменский, рискуя жизнью, про-

⁸ См.: Дилигенская Н. Загадка старой книги//Наука и жизнь. 1974. № 5. С. 112—115; Винокур Н. Г.: 1) Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1972 году//Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 147—148; 2) Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)//Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 164; Головин В. В. Новейшие публикации автографов Пушкина//Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 80—81; Пьянов А. С. «Мои осенние досуги»: Пушкин в Тверском крае. 3-е изд. М., 1983. С. 186—210, 246—257.

⁹ См., например: Пьянов А. С., Ильин М. Пушкинские места Верхневолжья. М., 1972. С. 44—49; Кашкова В. Ф. Пушкин и тверской учитель А. А. Раменский//Пушкинские чтения на Верхневолжье: Сб. 2. Калинин, 1974. С. 78—98; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 19—20.

брался в уже оставленное с боями родное село и вынес из горящего дома часть пушкинских реликвий. Антонин Аркадьевич увез их в Москву. Хотел сдать в архив или музей. Но архивы эвакуированы, музеи закрыты. Да и задерживаться в столице нет возможности. И Раменский, вооружившись саперной лопаткой, зарыл свой клад во дворе детской больницы близ проспекта Мира. Ведь тогда еще никто точно не знал, сколько времени продлится война. Оставлял Раменский свой мологицкий клад ненадолго, а пролежал он до 1946 года, когда вернулся в Москву Антонин Аркадьевич и разыскал столь необычное сокровище»¹⁰.

В конце концов, эти истории можно было бы оставить без внимания, если бы в обширной пушкиниане семейные предания и в полном смысле слова «рукотворные» реликвии из дома Раменских постепенно не приобретали характера достоверности, если бы легенды, которые долгое время существовали, говоря пушкинскими словами, «домашним образом», не стали претендовать на роль непреложных фактов пушкинской биографии и творчества. Показательный пример — огромная публикация «Обратить в пользу для потомков...» в «Новом мире»¹¹. Читателям журнала предложили семидесятитрехстраничную аннотированную опись уникальных архива и библиотеки, которые якобы хранились до войны в доме учителей Раменских. По утверждению публикатора, этот «Акт» был составлен в 1935—1938 гг. комиссией Ржевского краеведческого музея, педтехникума и гороно. Подлинник его (как и все собрание Раменских) погиб во время войны, а копия отыскалась в 1968 г. в Павловском Посаде во время ремонта одного из домов. В течение трех лет комиссия изучила и описала в «Акте» сотни листов архивных документов, начиная с XV в., богатейшее собрание рукописных и старопечатных книг, русской периодики XVIII—XIX вв. (около пяти тысяч томов), 136 (!) листов рукописей Пушкина, около 10 000 (!) писем: Карамзиных, Муравьевых, Вульффов, Вревских, В. А. Жуковского, И. И. Лажечникова, О. А. Кипренского, И. И. Левитана, М. А. Бакунина, С. В. Перовской, Э. Л. Войнич, М. В. Фрунзе, Дмитрия и Марии Ульяновых...¹² Словом, документ, опубликованный «Новым миром»,

¹⁰ Никитин А. Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь, 1984. С. 260—261. Еще одну беллетризованную историю о том, «как нашелся „Айвенго“» и «как он потерялся», можно прочитать в книге А. С. Пьянова «Мои осенние досуги» (С. 192—196).

¹¹ «Обратить в пользу для потомков...»/Публ., предисл. и примеч. Михайла Маковеева//Новый мир. 1985. № 8. С. 195—212; № 9. С. 218—236.

¹² О существовании этого «Акта» впервые извещал А. С. Пьянов и опубликовал из него ряд фрагментов (Юность. 1979. № 6. С. 88—92).

казалось, призван был свидетельствовать о том, что Раменские на протяжении двухсот лет, говоря пушкинскими словами, были связаны с людьми, «коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей». Но вскоре было доказано, что целый ряд опубликованных в «Акте» писем: А. Т. Болотова, А. Н. Радищева, О. С. Чернышевской, Марко Вовчок, А. И. Герцена — и факты, в них заключенные, являются фальсификацией¹³. Упоминается в аннотированной описи 1935 г. и книга Вальтера Скотта «с автографами, стихотворением, отрывком из десятой главы „Онегина“ и рисунками повешенных декабристов»¹⁴. Поразительно: работники Ржевского горно, музея и педтехникума сумели не только прочитать густо зачеркнутую черновую скоропись, но и уверенно определить, что это фрагмент десятой главы пушкинского романа в стихах! Разумеется, и в этот раз не обошлось без новой «пушкинской реликвии». В «Акт» была включена копия письма, которое Пушкин якобы отправил Алексею Алексеевичу Раменскому 22 июля 1833 г. О том, что текст этого письма — подделка, причем неудачная, убедительно писал С. А. Кибальник. Тогда же он вскользь высказал предположение, что и «надпись на русском переводе „Айвенго“ представляет собой местами более, а местами менее умелую подделку под пушкинский почерк»¹⁵, но гипотезу свою не аргументировал. О том, что после «безответственной публикации» в журнале «Новый мир» стало особенно актуальным проведение повторной экспертизы автографов на книжке Вальтера Скотта, писал С. А. Фомичев, отмечая, что «без распространенных рассуждений о контактах Пушкина с Раменским не обходится (...) ни один очерк о тверских страницах в жизни поэта»¹⁶. Между тем во втором издании словаря «Пушкин и его окружение» рядом с фамилией Раменского появилась звездочка, означающая гипотетичность знакомства Пушкина с ним, и указание, что свидетельства об отношениях Пушкина с Раменским «требуют тщательной проверки»¹⁷.

Как видим, в этой истории остаются «и», над которыми следует расставить точки. Прежде всего это касается вопроса о подлинности записей на книге Вальтера Скотта. В отличие

¹³ См. отклики на публикацию М. Маковеева, напечатанные «Литературной газетой» под общим заголовком «Осторожно: сенсация» (Лит. газ. 1986. № 22).

¹⁴ Новый мир. 1985. № 9. С. 219.

¹⁵ Кибальник С. А. Мнимый Пушкин//Лит. газ. 1986. № 22.

¹⁶ Акмен А. И., Фомичев С. А. Пушкинское кольцо Калининской области: (Перспективы развития)//А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 158.

¹⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 365.

от ряда других «реликвий» из так называемого архива Раменских, фальсификация которых доказана определенно, эта по-прежнему продолжает оставаться «пушкинской» и, защищенная авторитетом Т. Г. Цявловской, С. М. Бонди, Н. В. Измайлова, не исключена до сих пор из фонда подлинных рукописей поэта. Записи на «Айвенго», прежде всего «декабристские» (рисунки и шесть стихов из «Онегина»), в научных исследованиях стоят в одном ряду с автографами из пушкинских рабочих тетрадей¹⁸. Словом, необходимость повторного критического, научного анализа этого документа очевидна. Проблема, однако, состоит в том, что именно следует подвергнуть экспертизе. Тексты? Они, безусловно, пушкинские: сохранились черновые автографы и отрывка «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (ПД, № 84), и «онегинских стихов» («Одну Россию в мире видя...») (ПД, № 171). Для каждого из рисунков, даже плана на последней странице книги¹⁹, без труда можно обнаружить аналогии в рукописях поэта. Почерк? Следует отметить, что до появления этой «находки» пушкинисты не встречались со случаями сознательной подделки почерка поэта. Нам известны фальсификации пушкинских текстов — например, зувское «окончание» «Русалки», попытки «дописать» десятую главу «Онегина». Известны и случаи атрибуций рукописей И. И. Пушина, А. Д. Илличевского, Н. М. Коншина, Льва Пушкина, А. П. Керн, Е. Н. Вульф как пушкинских, но эти случаи были все-таки результатом невольных заблуждений, основанных на сходстве почерков, а не сознательной спекуляцией. Графологическая экспертиза как таковая не может быть единственным и достаточным доводом в пользу подлинности документа. К тому же ее надежность для таких дефектных записей, как на «Айвенго», — едва видимых или тщательно зачеркнутых, весьма проблематична.

В 1963 г., благодаря А. А. Раменского за книгу с собственноручными записями Пушкина, Н. В. Измайлов, в то время заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома, писал, в частности, о его находке: «Автографы „неказистые“ с виду, но изумительные по содержанию»²⁰. Внимание Т. Г. Цявловской, С. М. Бонди, самого Н. В. Измайлова оказалось полностью направленным на содержание записей. Их, текстологов,

¹⁸ См.: Лотман Л. «И я бы мог, как шут...» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 46—59; Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 64—124.

¹⁹ Вероятность того, что план-схема, показывающий, как проехать от Торжка до имения К. М. Полторацкого Грузины, нарисован рукою Пушкина, Т. Г. Цявловская исключила изначально.

²⁰ Цит. по кн.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. С. 261.

увлекла тогда трудная задача прочтения тщательно зачеркнутых и почти невидимых строк. Эти ученые были людьми высокой культуры и строгих этических принципов. Они подошли к новонайденному документу с позиции презумпции невинности. Вряд ли они могли допустить возможность такой сознательной спекуляции на имени Пушкина. Но именно слова Н. В. Измайлова о «неказистости» внешнего вида подсказали мне иное направление исследования книги. Объектом повторной экспертизы стала прежде всего формальная сторона, «внешность» книги — как отдельных элементов записей на русском переводе «Айвенго», так и их совокупности. Для сравнения были взяты все книги с какими-либо записями Пушкина. Эта в определенном смысле рутинная работа (было обследовано около 70 книг) дала замечательные результаты. Оказалось, что неэкстремальные условия хранения сделали автографы грязными и «неказистыми»: они нарочито были сделаны такими²¹.

Рассмотрим более подробно записи на титульном листе книги «Иванго, или Возвращение из крестовых походов».

Первая помета — владельческая. Она и должна была появиться раньше других, т. е. тогда, когда Пушкин книгу купил. Мы видим сокращенно написанное слово «St. Pet.», фрагмент утраченного текста (возможно, здесь был указан год) и собственно подпись — «Александр Пушкин».

Отметим, что место приобретения книг Пушкин никогда не обозначал: вряд ли в этом была необходимость. Все покупки, как правило, делались им в петербургских или московских книжных лавках. В редких случаях (их всего четыре) Пушкин отмечал особые, раритетные экземпляры. Так, на карте Екатеринославской губернии 1821 г. его рукой написано: «Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. <ября> 1833» (ПД, № 702)²²: Широко известна запись на «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии, заплачен двести рублей» (ПД № 1608)²³. Любопытна отметка на томе сочинений Никколо Маккиавелли: «Achété dans une vente publique (avec de sots commentaires au crayon)²⁴. Покупка двухтомника Кольриджа совпала

²¹ Д. П. Эрастов, исследуя записи на книге при помощи фотометрических методов, обратил внимание на такую деталь: оборванные края листов с записями не свидетельствуют о ветхости бумаги, это результат насильственного, намеренного обрыва достаточно прочной и плотной бумаги.

²² Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 601.

²³ Там же. С. 603.

²⁴ Там же. Перевод: «Куплена на распродаже (с дурацкими комментариями карандашом)» (франц.).

с днем смерти английского поэта, и, видимо, пораженный этим «странным сближением», Пушкин отметил его: «Купл.(ено) 17 июля 1835 года, день Демид.<овского?> праздн.<ика>, в годовщину его смерти»²⁵.

Но если даже допустить, что помета «St. Pet.» на «Айвенго» — тот единственный случай, когда Пушкин обозначил место покупки книги, то само слово он бы так не написал. В сохранившихся французских письмах поэта были выявлены следующие написания имени российской столицы: «S^t.-P.» (ПД, № 505, 506), «S^tP.» (ПД, № 1373, 1467), «S^tP.b.» (ПД, № 570, 629, 1520), «P. b.» (ПД, № 628, 634), «St Petersburg» (ПД, № 636, 639, 779, Прил. № 47), «Petersbourg» (ПД, Прил. № 42). Как видим, нет ни одного сокращения, которое совпадало бы с надписью на титульном листе «Ивангое». Более того — написав «Санкт-Петербург» по-французски, он должен был сделать и владельческую запись также по-французски (во всяком случае, в письмах Пушкина и официальных документах эта закономерность прослеживается четко). Но французских владельческих надписей на книгах личной библиотеки Пушкина нет, как нет и такой, как на «Айвенго», русской — «Александр Пушкин». В пушкинской библиотеке около четырех тысяч томов, лишь 27 из них имеют владельческие надписи, и только в двух вариантах: «Пушкин» и «А. Пушкин». Правда, на парижском издании басен Фенелона 1809 г. написано «Александр Пушкин» (ПД, № 1599). Это самый ранний из известных пушкинских автографов — детский, возможно, долицейский. И если предположить, что томик Фенелона был подарен Пушкину-мальчику, то психологически объяснимо, что десяти-одиннадцатилетний ребенок обозначил собственную книгу своим полным именем — Александр Пушкин.

Итак, детальный анализ владельческой надписи на «Айвенго» не выявил в ней ни одного признака пушкинских помет подобного рода.

Обратимся теперь к дарительной записи на этом же листе.

Два обязательных элемента такой надписи — имя того лица, к кому она обращена («Ал. Ал. Раменскому»), и дарителя («Александр Пушкин») — разделены стихотворными строками:

Как счастлив я, когда могу покинуть
 Докучный шум столицы и двора,
 Уйти опять в пустынные дубровы²⁶,
 На берега сих молчаливых вод.

²⁵ Там же. С. 602.

²⁶ В сохранившемся пушкинском автографе (ПД, № 84) этот стих читается иначе: «И убежать в пустынные дубровы».

Сразу жестораживает сама форма посвящения: сокращенно написанное имя и отчество Раменского и полностью написанное пушкинское имя. Аналогичных случаев отыскать не удалось. Вот некоторые примеры пушкинских посвящений: «Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя»²⁷; «Парасковии Александровне Осиповой от Автора в знак глубочайшего почтения и сердечной преданности» (ПД, № 748)²⁸; «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от Твоих» (ПД, № 751)²⁹; «Александрю Ивановичу Тургеневу от А. Пушкина» (ПД, № 750)³⁰; «Сергею Дмитриевичу Комовскому от А. Пушкина в память Лицея» (ПД, № 759)³¹. Впрочем, полное написание имени, отчества, фамилии «адресата» не обязательно. Если Пушкина связывали с ним короткие, дружеские отношения, запись была предельно лаконичной: «Полторацкому от Пушкина» (ПД, № 1680)³². «Евгению Баратынскому от Александра Пушкина» (ПД, № 754)³³; «Плетневу от Пушкина. В память Дельвига»³⁴; «Другу от Друга» (надпись Н. И. Кривцову) (ПД, № 876)³⁵; наконец, «А. Норову от А. Пушкина» (ПД, № 757)³⁶. Это единственный случай, когда Пушкин сокращает имя «адресата», но обратим внимание на симметричность элементов этой записи, их равноправие — сокращены оба имени: так два поэта подписывали свои стихи.

Такая форма обращения в книжной дарительной надписи, которую мы видим на «Айвенго», да еще и подчеркнутая, несвойственна не только Пушкину, она в принципе невозможна для человека, воспитанного в культурных традициях пушкинского времени, потому что противоречит элементарным этикетным требованиям. Осмелюсь заметить, что форма «Ал. Ал. Раменскому» — советизм.

Что же касается четырех стихов из первоначального замысла «Русалки», то такую запись Пушкин, скорее, мог оставить в альбоме, как вписал он когда-то в альбомы Марии Шимановской и Полины Бартеновой три стиха из «Каменного гостя»: «Из наслаждений жизни /Одной любви музыка уступает,/ Но и

²⁷ Рукою Пушкина. С. 710.

²⁸ Там же. С. 711.

²⁹ Там же. С. 713.

³⁰ Там же. С. 711.

³¹ Там же. С. 721.

³² Там же. С. 715.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 719.

³⁵ Там же. С. 726.

³⁶ Там же. С. 729.

любовь Гармония»³⁷. И дело здесь вовсе не в том, что у сельского учителя Раменского не было альбома, как предположила Т. Г. Цявловская³⁸, а в том, что поэт не смешивал никогда этих двух жанров — альбомного и книжного посвящения. К тому же в стихотворной записи на «Айвенго» есть и фальшивая нота: написание слова «счастлив». Орфографическая норма пушкинского времени допускала двоякое написание этого слова: как с начальным «сч», так и с начальным «щ». Пушкин, как, впрочем, и Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский, писал «щ». Словарь языка поэта регистрирует 553 случая употребления им слова «счастье» и однокоренных образований. Формы «щастлив» и «щастльив» употребляются в текстах Пушкина 89 раз. К счастью, сохранилась черновая рукопись монолога князя из первого замысла «Русалки» — там безусловное «щ». Были просмотрены все рукописи, где встречается форма «счастлив»: беловые, черновые, авторитетные копии, которые восходят к утраченным автографам, письма. Выяснилось, что у Пушкина нет других, кроме «щастлив», вариантов написания этого слова. Обнаружился даже такой любопытный факт: в цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» 1832 г. писарское написание слова «счастлив» в стихотворении «Счастлив ты в прелестных дурах. . .» Пушкин или Плетнев (они оба готовили это издание) исправляют на «щастлив» (ПД, № 420, л. 17). Одно исключение все же встретилось, оно касается формы «счастье». В заключительной строке стихотворения «Из Пиндемонта» (его рукописи помечены июлем 1836 г.) Пушкин пишет это слово с начальным «сч»: «Вот счастье! Вот права. . .» (ПД, № 236, 237). Убедительного объяснения этому случаю пока нет. Вряд ли это описка.

И наконец, обратим внимание на то, что все эти записи сделаны на титульном листе. Пушкин же подписывал книги либо на обложке (лицевой или оборотной ее стороне), либо на шмуцтитуле, который предшествовал титульному листу и предназначался для того, чтобы защищать его от повреждений и грязи. Притом пушкинские строки всегда тщательно обходили печатный текст и никогда не покрывали его. Надпись по тексту титульного листа в такой же мере противоречит культурной традиции пушкинского времени, как и посвящение «Ал. Ал. Раменскому».

³⁷ Там же. С. 661.

³⁸ См.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. С. 21.

Когда-то Т. Г. Цявловская оценила обнаруженный в доме А. А. Раменского томик «Айвенго» как «уникальный случай соединения» на одной книге трех разнородных видов автографов Пушкина»³⁹. Тогда исследовательница не почувствовала уже в самой этой «уникальности» тревожного сигнала. Такое прихотливое сочетание разножанровых автографов: черновой скорописи и беловых строк, рисунков, плана, даты, владельческой надписи — возможно только в одной «книге» — рабочей тетради Пушкина.

Подведем итоги. Повторная экспертиза записей на русском переводе романа Вальтера Скотта «Иванго, или Возвращение из крестовых походов» показала, что мы имеем первый случай сознательной подделки пушкинского почерка. Кстати, потому закономерен вопрос, какими источниками пользовался имитатор. Недостатка в материале для копирования, как известно, нет: пушкинские рукописи воспроизводились бессчетное количество раз. Но очевидно, что в этой подделке опирались на вполне конкретные образцы. На мой взгляд, все они находятся под одним переплетом — в пушкинском томе «Литературного наследства», изданном в 1934 г. Там в статье Б. В. Томашевского «Десятая глава „Евгения Онегина“. История разгадки» приведены разные редакции стихов «Одну Россию в мире видя...» и — главное — дано факсимиле чернового автографа этой строфы. Сообщение А. М. Эфроса «Декабристы в рисунках Пушкина» сопровождают воспроизведения рисунков весов на листе с надписью А. Н. Вульфа «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года» и виселицы с казненными из Третьей масонской тетради (ПД, № 836). Мужской профиль на «Айвенго» — скорее всего неудавшаяся попытка скопировать портрет С. Л. Пушкина с этого листа. Среди иллюстраций в томе «Литературного наследства» есть и два плана, собственноручно составленные Пушкиным в ходе работы над «Историей Петра» и «Историей Пугачева»; и шмуцтитул «Полтавы», подаренной С. Д. Полторацкому 2 апреля 1829 г., с расположением даты в дарительной надписи не слева, как обычно у Пушкина, а посередине строки. И именно так расположил ее имитатор на титульном листе «Иванго». Наконец, подпись «Александр Пушкин» в факсимиле письма М. А. Дондукову-Корсакову повторена золотым тиснением на крышке переплета этого тома «Литературного наследства»⁴⁰. В нем нет только отрывка «Как счастлив я, когда могу покинуть...». Единствен-

³⁹ Там же. С. 29.

⁴⁰ См.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 391, 461, 483, 491, 549, 925, 937.

ный его автограф ни разу не воспроизводился, и потому-то слово «счастлив» оказалось написанным на «Айвенго» в соответствии с современной орфографической нормой, а не так, как это было свойственно Пушкину⁴¹.

Удалась ли мистификация? С одной стороны — да, ибо в нее поверили Т. Г. Цявловская, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов — авторитетнейшие знатоки пушкинских рукописей и почерка поэта. С другой стороны — нет. Если учитывать результаты сегодняшней экспертизы, то имитаторам можно было бы ответить словами Владимира Высоцкого: «Все не так, все не так, как надо». Систематическое обследование книг из библиотеки поэта позволило выявить главные особенности дарительных надписей Пушкина, а в их расположении на книжном листе обнаружить важное сходство с беловыми рукописями: у Пушкина рукописный лист всегда эстетически организован, в этом проявляется в высшей степени свойственное ему гармоническое чувство «соразмерности исообразности». В записях на книге «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов» этот эстетический, художественный, культурный уровень отсутствует.

⁴¹ Отметим попутно орфографическую оплошность мистификатора: на плане в конце первой части «Айвенго» слово «Новгород» написано без «ъ», что решительно было невозможно до реформы 1918 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995